

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-271-273

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР
«НА ПУТИ К ИСТОРИЧЕСКОЙ НАРРАТОЛОГИИ»***

15–16 октября 2020 года в Институте филологии и истории РГГУ в рамках научной конференции «Белые чтения» состоялись заседания международного научного семинара «На пути к исторической нарратологии». Актуальность темы встречи обусловлена давно назревшей необходимостью модифицировать категориальный аппарат современной теории повествования, ориентированный в первую очередь на синхронический анализ нарратива.

Доклад К. А. Баршта (Санкт-Петербург) «Об аксиологическом потенциале нарратива» был посвящен ценностной составляющей повествовательных произведений. Ключевой категорией здесь оказывается поступок — важно проследить логику перехода поступка героя в сюжетное событие. В зависимости от характера такого перехода выделяется несколько типов персонажей: сибарит, герой, гений, святой. Предлагаемая в докладе терминология ориентирована на идеолого-эстетический аспект повествования.

В сообщении И. В. Кузнецова (Новосибирск) «Текстовые формы событийности в их сущности и исторической динамике» затрагивалось понятие «текст-мысль». Референтом нарративного высказывания может выступить мысль. Ее словесная актуализация исторически изменчива и прошла те же стадии семиотической «эволюции», что и нарратив (индексальная, эмблематическая, иконическая, метаболическая).

В. А. Миловидов (Тверь) в докладе «От интенсивной к экстенсивной нарратологии: эскиз исторического анализа» отметил, что различные типы сюжета выстраиваются в диахронический ряд: циклический (интенсивный) и кумулятивный (экстенсивный) нарративы сменяют друг друга — от упорядочивающего, системного представления о мире литература переходит к художественному освоению эмпирического многообразия действительности (XX век), т. е., в сущности, возвращается к более архаичным формам повествования.

В докладе В. Б. Зусевой-Озкан (Москва) «К истории поэтической наррации: проблема прозаического автокомментария в русской поэме XVIII и XX вв.» в сравнительном ключе была исследована проблема автометарефлексии на материале силлабической поэмы П. Буслаева «Умозрительство душевное...» (1734) и произведения М. А. Амелина «Веселая наука» (1999). Если первый снабжает свои рассуждения повышенной дидактичностью, ориентиру-

ется на канон (эпоха рефлексивного традиционализма), то второй, напротив, отказывается от подобных тактик, актуализирует игровое измерение поэтического повествования.

В. И. Тюпа (Москва) в докладе «Осевая нарратологическая категория» рассмотрел нарративные стратегии словесности в их исторической динамике (сказание, притча, анекдот). Нарративная стратегия Евангелия существенно выделяется на фоне повествовательных практик своего времени сопряжением прецедентной картины мира и этоса личностной солидарности. Классический роман осваивает вероятностную картину мира, на основании которой складывается несколько новых нарративных стратегий, разнящихся своими этосами.

В. Г. Тимофеев (Санкт-Петербург) в рамках доклада «Диахронизация нарративного претекста» представил размышление о границах интерпретационной активности адресата повествования, которые имеют исторические причины. Ментальная репрезентация претекста обусловлена принадлежностью реципиента к той или иной эпохе. Исследователь прокомментировал несколько произведений XIX–XX веков (А. С. Пушкина, М. М. Зощенко, В. В. Набокова, А. Г. Битова).

Г. А. Жиличева (Новосибирск) в докладе «Принципы эпизодизации в нарративах русской литературы XVIII–XX вв.» предложила трактовку членения текста на эпизоды как исторически подвижного явления, прошедшего несколько стадий развития: от линейного порядка повествуемых событий в «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина до принципа поэтических эквивалентностей у А. П. Чехова и децентрализации эпизодического членения в текстах постмодернизма.

Е. Ю. Моисеева (Москва) показала неоднозначность феномена, вынесенного в заглавие ее сообщения «Исторические особенности ненадежной наррации в русской прозе». Маркеры и критерии ненадежного повествования крайне сложно определить, более того — они в значительной мере зависят от рецептивных установок читателя. В центре внимания исследователя оказались «Драма на охоте» А. П. Чехова, а также книга М. Степановой «Памяти памяти».

В докладе А. Е. Агрatina (Москва) «Проблема точки зрения в свете исторической нарратологии» было проанализировано соотношение двух базовых повествовательных перспектив — нарраториальной и персональной (В. Шмид) — и выделено несколько исторически продуктивных модусов (способов) перспективации (монофокальный, вариофокальный, бифокальный, трансфокальный), первый из которых возникает еще в древнерусской словесности, а последний формируется в творчестве

* Хроника подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект РНФ № 20-18-00417).

А. П. Чехова. Исследователь отметил, что в XX веке, а затем в современной прозе под вопросом оказывается дифференциация нарративной и персональной точек зрения.

В сообщении Е. Ю. Козьминой (Екатеринбург) «Фантастический нарратив в русской литературе XIX века» было выделено два типа фантастических повествований, свойственных отечественной литературе указанного периода: притчевое и анекдотическое. Если первое демонстрирует балладное двоемирие (герой потустороннего мира проникает в мир повседневный) и неопределенность самоидентификации нарратора (диегетический/недиегетический), унаследованную от Карамзина, то второе зачастую предстает в качестве пародии.

Ю. Л. Троицкий (Москва) в докладе «Нарративные структуры рецепции («прелестные письма» Степана Разина)» проинтерпретировал перформативы, относящиеся к эпохе Смутного времени, как явление дориторической дискурсивной формации. Они анонимны, репрезентируют прецедентную картину мира, ориентированы на представления, уже существующие в сознании воспринимающих.

А. Д. Степанов (Санкт-Петербург) поднял малоизученную на данный момент тему «Чехов и Флобер (к вопросу об эволюции «объективного» повествования)». Чеховское повествование 1895–1900 годов (точка зрения персонажа сочетается с оценками и словами нарратора) напоминает флюберовскую манеру рассказывания. Сходства между двумя художественными системами просматриваются и в свете проблемы «случайной» детали (А. П. Чудаков).

В докладе «Канон русской повести и вставной текст „Драмы на охоте“ А. П. Чехова» Н. Н. Кириленко (Москва) обнаружила признаки жанра повести во вставном нарративе одного из наиболее сложных произведений ранней чеховской прозы. Исследователь пришел к выводу, что «Драма на охоте» наследует традицию русской повести, с одной стороны, и классического романа — с другой.

В сообщении «От „События“ А. П. Чехова к „Открытию“ З. Н. Гиппиус: нарративные особенности и жанр рассказа» О. В. Федунина (Москва) поставила вопрос об исторической поэтике малых эпических жанров. Рассказ является собой динамическое равновесие двух стратегий повествования — притчи и анекдота. Это равновесие присуще текстам обоих авторов, однако Гиппиус задается вопросом о самоидентичности героя-ребенка, что приводит к изменению жанровых границ рассказа.

А. Молнар (Венгрия) в докладе «Нарративная традиция и отталкивание от нее в лагерной прозе (Солженицын и Имре Кертеc)» представила рассуждение о смене повествовательных приемов манифестации лагерного опыта в художественной литературе: третий личный нарратив, построенный на совмещении моноличности и полифонии (А. И. Солженицын), уступает место полуавтобиографическому повествованию, имитирующему непо-

средственное наблюдение за рассказываемыми событиями (И. Кертеc).

А. В. Корчицкий (Москва) в сообщении «Режимы достоверности в реалистическом нарративе и за его пределами» предложил изучать категорию достоверности/недостоверности в контексте трансформации эстетических представлений в литературе эпохи модерн (XVIII век — настоящее время). Данная категория реализуется в трех основных вариантах: как феномен восприятия героя; в аспекте разграничения диегетической и экстардиегетической наррации; как результат читательской рецепции.

В докладе Я. О. Глембоцкой и И. В. Кузнецова (Новосибирск) «Ментальная событийность в русских нарративах XX–XXI вв.» была высказана идея о постепенном увеличении роли ментатива в литературе. Эта тенденция имеет предпосылки: русская словесность всегда была идеологична, и «текст-мысль» выступил для нее как наиболее адекватный модус презентации. Катализатором описываемого процесса становится эссеизация литературы, происходившая в XX столетии.

О. А. Гримова (Краснодар) в докладе «Перволичное повествование как ресурс моделирования нарративной идентичности в классическом и современном тексте» сопоставила роман М. П. Шишкина «Всех ожидает одна ночь» и трилогию Л. Н. Толстого. В прозе Толстого эмоциональное состояние персонажа, отношение «я» к «другому» получает объяснение и оценку. У Шишкина доступ персонажа к собственному «я» утрачивается, а «другие» становятся «дублями» героя («я» замещается «он»). В современной литературе создается модель архетипического «я», соотносимого с любом говорящим.

Сообщение Л. Е. Муравьевой (Санкт-Петербург) «*Mise en abyme*: смысловые эффекты в диахронической перспективе» было посвящено понятию, описывающему любой текстовый фрагмент, который устанавливает отношения подобия с основным текстом — причем как в плане истории, так и в плане дискурса (согласно терминологии С. Чэтмена). Докладчик охарактеризовал различные функции *mise en abyme*, а точнее — их реализации в истории мировой литературы (произведения А. П. Чехова, А. Жюль, Н. Саррот, В. В. Набокова).

А. Скубачевска-Пневска (Польша) в сообщении «Эволюция метанарративности в университетском романе» рассмотрела авторефлексивный компонент литературного повествования. По наблюдениям исследователя, жанр университетского романа сюжетно метафоризирует взаимодействие и противостояние различных литературоведческих теорий. Собственно авторефлексивный компонент становится обязательным в так называемом филологическом романе, который создается на границе дискурсов — художественного и научного.

В докладе «Нарратив и перформатив в новейшей литературе» В. Л. Шуникова (Москва) были прослежены две ключевые тенденции

в произведениях избранного периода: нарративизация драмы (автор по своим возможностям приближается к эпическому нарратору); ослабление нарративного характера эпики (уподобление повествования ремаркам), «уравнивание» всех говорящих субъектов, «мерцающий», неопределенный образ нарратора.

Важнейший результат состоявшейся встречи — более или менее завершенное понимание

границ исторической нарратологии в системе гуманитарного знания, а также курс на дальнейшее обновление теории повествования в свете существующих научных традиций, в частности, исторической поэтики А. Н. Веселовского.

© А. Е. Агретин

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-273-275

ДЕВЯТЫЙ АГИОГРАФИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

2 декабря 2020 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошел Девятый агиографический семинар, который был посвящен широкому кругу вопросов, связанных с изучением агиографических и гимнографических сочинений, а также истории культов русских святых.

Первым прозвучал доклад Т. Б. Карбасовой (Санкт-Петербург) «О сборниках житий русских святых XV в.». Объектом ее изучения стали сборники, появившиеся в середине XV века, часто бывшие конволютами и включавшие как жития, так и службы святым, как правило, не только русским. К концу века состав сборников претерпевает некоторые изменения: очевидно тяготение к избавлению от служб, превращению сборника в собственно житийный; у этого сборника появляется название «Минея новым чудотворцам». Появление этой Минеи становится зримым воплощением начала формирования собора русских святых. Он складывается, по мнению исследовательницы, как «собор чудотворцев», а сам этот процесс Карбасова связывает с утверждением автокефалии русской церкви (не случайно почти не известно сборников житий русских святых, происходящих с территории Великого княжества литовского). Обнаружен целый ряд свидетельств того, что с середины XV века русские святые начинают восприниматься как особая общность, и это осознание в XVI веке приведет к окончательному оформлению «собора русских святых».

А. В. Духанина (Москва) в докладе «Новые данные о рукописной традиции Жития Исидора Твердислова» отметила, что рукописная традиция этого памятника исследована слабо: многие редакции текста не выявлены, не прояснены взаимоотношения известных редакций. До последнего времени в научный оборот были введены списки Жития, датированные концом XV — началом XVI века. Обнаружен более ранний список Жития, 70-х годов XV века, существование которого является еще одним аргументом, подтверждающим ошибоч-

ность встречающейся в поздних источниках даты кончины Исидора Твердислова (1474 год). Известная, но неизученная проложная редакция, включенная в первое издание мартовского тома печатного Пролога 1643 года, как выяснилось, была составлена не позднее 40-х годов XVI века в Пскове и относится к целому комплексу проложных редакций, созданных при митрополите Макарии во второй — третьей четвертях XVI века в рамках унификации почитания русских святых. Этот комплекс через рукописные Прологи перешел в печатный Пролог. Выявлены еще четыре проложные редакции Жития, старшая из которых была составлена не позднее начала XVI века, когда, очевидно, Житие Исидора и начинает включаться в Прологи. Три из выявленных проложных редакций, появившихся в интервале рубежа XV и XVI — конца XVI века, происходят из Пскова. Отдельная редакция Жития была составлена во второй половине XVI века для стихного Пролога.

В докладе А. В. Пигина (Санкт-Петербург) «Житие Александра Ошевенского в редакции Тулуповской минеи» были представлены итоги изучения одной из редакций Жития Александра Ошевенского (памятника XVI века) — Минеиной, созданной в первой трети XVII века и вошедшей в состав Четких минеи книжника Троице-Сергиевого монастыря Германа Тулупова (РГБ. Ф. 304.1 (Главное собр. Троице-Сергиевой лавры). № 695). Сопоставление Минеиной редакции с двумя более ранними редакциями Жития — Пространной и Основной — позволило исследователю прийти к выводу о том, что она была создана на основе первоначального текста Жития (Пространной редакции). Основные направления переработки исходного текста в Минеиной редакции заключались в его сокращении, в усилении абстрагирующего идеализирующего начала, включении новых предисловия и заключительной похвалы. Источниками для новых риторических фрагментов Минеиной редакции послужили предисловие в Житии митрополита